

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК

У КАЖДОГО из нас в сердце свой Ленин. И для каждого памятен тот момент, когда имя это осознанно вошло в твою жизнь...

Таковыми словами начал свой рассказ народный артист РСФСР Л. Д. Охлупин. Начал — и вдруг повисла пауза, а потом послышался свист метели и завывание ветра, и глухие удары палки в толстое от морозной наледи окно. И хотя мы-то беседовали в комнате, до окон которой никакой палкой не достать, а осенний день за окном был ясен и сух — все равно в эту минуту волею актерского таланта Леонида Давыдовича, силой его темперамента оказались уже не в Свердловске, а в Полеском. В том черном, неотличимом от ночи, январском дне 1924 года, когда по улицам поселка бежал, увязая в сугробах, человек и удары его палки в морозные окна несли страшную весть: умер Ленин... А за одним из этих окон замер от горя и тревоги маленький Ленин, сын сапожника Охлупина...

И снова наступила в рассказе пауза, дань памяти тому, чье имя, чье дело не умрут никогда...

Да, у каждого из нас в сердце свой Ленин, и каждое сердце полно любовью к нему. Но очень немногих судьба одарила той силой таланта, что позволяет выразить, высказать эту любовь всенародно. В их числе — Леонид Давыдович Охлупин. Пять раз он воплощал образ Владимира Ильича Ленина на сцене нашего драматического театра...

— Первый раз это было в спектакле «Незабываемый 1919-й» в 1951 году... Но путь к спектаклю мне «проложил» неожиданно — нежданно «бронепоезд 14-69». В «Бронепоезде» пришлось как-то заменить Бориса Федоровича Ильина — вводиться на роль подпольщика Пеклеванова. Роль текстually небольшая, но очень ответственная по своей идейной нагрузке. А я до этого играл все больше роли характерные, и вдруг — социальный герой! Но приказ есть приказ. Я загримировался, паричок надел, бородавку пристроил, пальтецо такое с бархатным воротничком для меня нашлось... Выхожу. Идет эпизод, а я слышу — шепоток какой-то в кулисах. Думаю — где-то что-то не так. А что?

Не пойму, нервничаю. Сцена кончилась, и мне сразу сказали то, в чем я и сам убедился, когда в трельяж посмотрел: да, было сходство, особенно анфас.

И вот это, видимо, сыграло значение при распределении ролей на «Незабываемый 1919-й». То есть я сейчас так думаю, а тогда подошел, абсолютно неподготовленный, и читаю распределение: «Ленин — Охлупин».

Вот так — рядом две фамилии. Что я почувствовал — передать не могу. Нет для этого слов! Мой коллега по театру сказал мне позже: «Я бы в обморок упал! А вы выдержали...».

«В СЕРДЦЕ БЫЛО В МОЕМ...»

— Наверное, потому, что я молчал, — вот и все, что нашелся ответить...

Сразу стало казаться, что я ничего о Ленине не знаю. То есть все, что знал, выглядело таким малым по сравнению с грандиозностью задачи! И началась работа, работа, работа... Но ведь одно изучение даже самых обширных материалов — это лишь подступы к роли. Надо было найти, определить те главные черты, что ярче, полнее и вернее всего передадут образ Владимира Ильича именно в данный исторический момент. Потому что нельзя — и никому никогда это не удастся — воплотить образ Ленина во всем объеме. Личность Ленина — неохватна!

— Не сомневаюсь, Леонид Давыдович, что вы хорошо помните, как шел первый спектакль.

— О, еще был! До сих пор слышу, как откашливался перед выходом на сцену Ильин — он Сталина играл, и это непривычное для него откашливание выражало высшую степень волнения. А начинать спектакль должен был я — просто пройти в свой, то есть ленинский кабинет и сесть за стол. Так вот, я дверь кабинета сразу открыл не смог: у меня руки ходуном ходили...

— Но потом спектакль был тепло принят, были хорошие отзывы прессы... Были, конечно, другие спектакли, другие постановки, где вы играли Владимира Ильича. Уменьши-

лась ли мера вашего волнения?

— Ни на гран! Только ушло волнение вглубь. Так же, как и работа над образом все больше уходила в глубины ленинского мира. Да, конечно, очень важна внешняя похожесть. Этому я уделял большое внимание — грим, кстати говоря, занимал у меня перед каждым спектаклем больше двух часов, и делал я его сам. Похожесть эта всегда встречалась аплодисментами, как только я выходил на сцену.

Важно было не считать этот успех успехом самой роли, уметь как бы «перешагнуть» через него, чтобы ввести зрителя во внутренний мир Ле-

нина. И все равно, как я ни старался, «мой Ленин» родился не в «Незабываемом 1919-м», не в «Цветах живых» и даже не в «Кремлевских курантах» — а уже в «Шестом июля» и «Третьей патетической». До этих двух спектаклей все равно сказывалось «чужое влияние» — особенно Щукина в незабываемых кинофильмах. Не потому, что я в чем-то специально старался позторить его — это происходило непроизвольно: настолько велико было впечатление от «Ленина в Октябре», «Ленина в 1918 году»...

— Но ведь именно Борис Васильевич Щукин, когда фильм «Ленин в Октябре» называли «потрясающим по силе правдивости», с тревогой говорил: Если мне когда-нибудь придется играть Ленина — я буду играть его совсем по другому. А когда этот «другой Ленин» был сыгран, и снова с несравненным успехом, тот же Щукин, как свидетельствуют современники, обещал: «Вот в третьем ленинском фильме я, наконец, надеюсь дать настоящий образ...». Вспоминаю об этом, чтобы высказать сомнение: возможно, и вы в чем-то слишком строги к себе!

— Нет, просто это — правда! Только в «Шестом июля» и «Третьей патетической» я впервые почувствовал внутреннюю свободу, перестал думать о внешнем сходстве (очень меня «освободил» новый, сделанный на «Мосфильме» перик — в нем мне было

легко и удобно, я впервые не боялся выходить на авансцену), мог позволить себе сочетать ленинские — и свои, чисто человеческие — бытовые жесты. А проблема такого сочетания отнюдь не проста.

Вот, например, Ленин берет в руки какой-то документ, прочитывает его и подписывает... Чтобы это сыграть, надо знать, в какой позе обычно сидел Ленин; какое время занимало у него чтение данного объема текста; как он держал перо и т. д. Знать это все надо, но играть — не обязательно. Потому что если копировать абсолютно все подробности — роли не по-

читателей: существуют ли какие-то необходимые — кроме таланта — качества, которые дают право актеру играть Ленина?

— Понимаю, какого ответа вы ждете: мол, нужны высокая принципиальность, честность, порядочность... Но я так не отвечу. Талант потому и есть талант, что он может сыграть все. Однако роль Ленина — это тот исключительный случай, когда даже самый талантливый обязан «извлечь» из себя, отдать роли не только то, на что он до этого был способен, но и гораздо большее...

Здесь уже не природные

лучится. Творчество уйдет, останется одна механика...

И, наконец, самое главное: именно к названным двум спектаклям я определил для себя, что же связывает пьесы о Ленине, пьесы, где он — такой разный: в «Кремлевских курантах» — прежде всего борец за мечту и сам мечтатель; в «Шестом июля» — тактик и стратег революции; в «Третьей патетической» — мудрый политик, строитель новой жизни. Их связывает мысль! Ленинская мысль, ее постоянное напряжение и движение, ее безостановочная работа... Это очень трудно передать на сцене, ведь требуется вести постоянный внутренний монолог, который не всегда совпадает с тем, о чем говорит в данный момент по пьесе Ленин. Как одна десятая айсберга видна над водой, так и в словах Ленина отражалась лишь малая часть колоссальной работы его мысли. Вот к чему я пришел, вот на что стал опираться в последних своих ролях.

— И это было отмечено: «Тщательный и вдохновенный труд Л. Охлупина над раскрытием внутреннего мира ленинского образа безусловно заслуживает искреннего признания... Чувство глубокой сыновней и гражданской благодарности наполняет наши сердца», — писал рецензент о спектакле «Шестое июля». Леонид Давыдович, мне хотелось бы задать вам вопрос, думаю, интересующий многих

качества, а личностные вступают в силу. И если этих-то необходимых качеств личности нет, тогда... Тогда сам материал роли «отторгнет» тебя вместе с твоим талантом.

— Ваша «лениниана» продолжалась около двадцати лет. Но ведь спектакли не шли в репертуаре «след в след», возникали довольно значительные временные разрывы... Что помогало вам всегда оставаться в «форме»?

— Вы ошибаетесь, думая, что моей «лениниане» — двадцать. Она гораздо старше, это во-первых; а во-вторых, в ней никогда не было перерывов. Ведь я все время выступал с ленинской темой перед рабочими в цехах, красных уголках, общежитиях. И в антрактах между спектаклями, и когда последний из них — «Третья патетическая» — уже сошел с афиши... Мне сказал как-то товарищ по сцене: «Слушай, ты не устал?».

А я вообще не верю в актерскую усталость, в замкнутость сценического мира: «Ох, у нас нет сил ехать на завод, ах, зачем нам это надо»... Семь лет я был секретарем комсомольской организации театра, еще пять — председателем местного, пятнадцать — секретарем партбюро... По себе знаю, как это надо!

Могу ли я «устать» от ленинской темы, если живу ею? Было бы лишь здоровье — я не только вернусь к ней снова, я ее продолжу...

Вела беседу Н. ЗЕНОВА.